

Павел Алешин
Торквато Тассо

Лирика

Павел Алешин

Торквато Тассо. Лирика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40941836

ISBN 9785449631985

Аннотация

В этой книге представлена подборка переводов лирических стихотворений Торквато Тассо. Первая ее часть – избранные стихи, посвященные двум возлюбленным поэта – Лукреции Бендидио и Лауре Пепераре. Они переведены прозой. Вторая часть – стихотворения Тассо, которые положили на музыку композиторы Карло Дездеуальдо да Веноза и Клаудио Монтеверди. Они переведены вольным ямбом без рифмы.

Содержание

Предисловие	6
Краткое замечание о лирике Тассо	9
Любовные стихотворения	11
«Vere fur queste gioie e questi ardori...»	11
Стихи к Лукреции Бендидио	13
«Era de l'età mia nel lieto aprile...»	14
«Su l'ampia fronte il cresco oro lucente...»	15
«Avean gli atti soavi e 'l vago aspetto...»	16
«Colei che sovra ogni altra amo ed onoro...»	17
«Io mi credea sotto un leggiadro velo...»	18
«Giovene incauto e non avvezzo ancora...»	19
«Donna, sovra tutte altre a voi conviensi...»	20
«Se d'Amor queste son reti e legami...»	21
«Mira, Fulvio, quel sol di novo apparso...»	22
«Mentre adorna costei di fiori e d'erba...»	23
«Occhi miei lassi, mentre ch'io vi giro...»	24
«Dov'è del mio servaggio il premio, Amore?..»	25
«Se mi doglio talor ch'in van io tento...»	26
«Bella è la donna mia se del bel crine...»	27
«Tra 'l bianco viso e 'l molle e casto petto...»	28
«Quella candida via sparsa di stele...»	29
«Donna, crudel fortuna a me ben vieta...»	30
«Io non posso gioire...»	31

«Già non son io contento...»	32
«Come vivrò ne le mie pene, Amore...»	33
«Se 'l mio core è con voi, come desia...»	34
«Pensier, che mentre di formarmi tenti...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Торквато Тассо

Лирика

Павел Алешин

Посвящается К. Н. Батюшкову

Иллюстратор Елена Алешина

© Павел Алешин, 2019

© Елена Алешина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3198-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Позволь, священна тень! безвестному Певцу,
Коснуться к твоему бессмертному венцу
И сладость пения твоей Авзонской Музы,
Достойной берегов прозрачной Аретузы,
Рукою слабою на лире повторить
И новым языком с тобою говорить!

К. Н. Батюшков, «К Тассу»

Торквато Тассо – последний великий итальянский поэт эпохи Возрождения. Его поэма «Освобожденный Иерусалим» – одна из вершин эпической поэзии, строфы которой в Италии стали народными песнями. Пик славы Тассо приходится на XVIII – начало XIX века: классицисты обращались к его поэме как к образцу для подражания, «романтики ценили его не столько как эпического поэта, сколько как поэта вообще, поэта с большой буквы, видели в нем своего рода символ поэзии», его трагическая судьба была для них «примером рокового и неизбежного конфликта гения и действительности»¹.

Культ Тассо сложился и в среде русских писателей первой трети XIX века: важную роль в этом сыграл К. Н. Батюшков,

¹ Андреев М. Л. Торквато Тассо // История литературы Италии. Т. II: Возрождение. Кн. 2: Чинквеченто. С. 577.

изучавший и переводивший «Освобожденный Иерусалим»², посвятивший Тассо два стихотворения («К Тассу», «Умиравший Тасс»). К образу певца Ринальдо, Годфреда и Эрминии часто обращался и А. С. Пушкин: для него «Торкватовы октавы» были непременным атрибутом «Италии златой» – страны поэзии и искусства³:

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы...

Главное творение Тассо переведено на русский язык, и не один раз⁴; переведено и другое его знаковое произведе-

² Батюшков планировал перевести «Освобожденный Иерусалим» полностью, но не смог реализовать свой замысел. Сохранились его переводы некоторых отрывков поэмы – как прозаические, так и в стихах.

³ Так же и у Е. А. Баратынского: Небо Италии, небо Торквата, Прах поэтический древнего Рима, Родина неги, славой богата, Будешь ли некогда мною ты зрима? Рвется душа, нетерпеньем объята, К гордым остаткам павшего Рима! Снятся мне доли, леса благовонны, Снятся упавших чертогов колонны!

⁴ Целиком «Освобожденный Иерусалим» переводили А. Ф. Мерзляков, С. Е. Раич, Д. Е. Мин, В. С. Лихачев. Над новым переводом сейчас работа-

ние – пастораль «Аминта»⁵. Лирика же поэта почти не привлекала внимание отечественных переводчиков⁶, да и традиционно в литературоведении ей уделяется значительно меньше внимания, чем «Освобожденному Иерусалиму».

В этой книге представлена подборка лирических стихотворений Тассо. Первая ее часть – избранные стихи, посвященные двум его возлюбленным – Лукреции Бендидио и Лауре Пепераре. Их я переводил прозой, взяв за образец батюшковские переводы сонетов Петрарки и отдельных строф «Освобожденного Иерусалима»⁷. Вторая часть – стихотворения Тассо, которые положили на музыку композиторы Карло Джезуальдо да Веноза и Клаудио Монтеверди. Их я перевел вольным ямбом без рифмы. В эту часть книги включены также письма поэта к Карло Джезуальдо.

ет Р. М. Дубровкин, см., например, его перевод второй песни поэмы: Освобожденные Иерусалим [Текст]: поэма: песнь вторая / Т. Тассо; пер. с итал. и вступ. Р. М. Дубровкина // Иностранная литература. 2014, №7. С. 258—270.

⁵ Тассо Т. Аминта / Пер. М. Стоярова, М. Эйхенгольца. М.; Л., 1937.

⁶ Несколько сонетов Тассо есть в книге 1988 года «Западноевропейский сонет XIII—XVII веков» (С. 115—122).

⁷ См. его статьи «Ариосто и Тасс» и «Петрарка»: Батюшков К. Н. Сочинения. В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 122—129; 129—140.

Краткое замечание о лирике Тассо

Предваряя свои прозаические переводы сонетов Петрарки, Батюшков писал: «Но я желаю оправдать поэта, которого часто критика (отдавая, впрочем, похвалу гармонии стихов его) ставит наравне с обыкновенными писателями по части изобретения и мыслей. В прозе остаются одни мысли»⁸. Лирику Тассо исследователи тоже часто обвиняют в отсутствии глубины, в опрошении чувства (если сравнивать ее с поэзией стильновистов и Петрарки), сводя ее к «изящной светской болтовне», однако высоко оценивая ее музыкальность и остроумную метафоричность. Мне кажется это не совсем верным.

Чувство Тассо – не проще, оно более земное: это не небесная любовь, озаряющая всю жизнь поэта, вне зависимости от того, взаимная она или нет. Более того, это не одно чувство – у его любовных стихотворений не одна, а две героини: сначала он был влюблен в феррарку Лукрецию Бендидио (стихи 1561—1562 годов), затем – в мантуанку Лауру Пеперару (стихи 1564—1567 и 1579—1583 годов)⁹. Тассо меняет саму стратегию построения лирики: не она подчиняет се-

⁸ Батюшков К. Н. Сочинения. В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 131—132.

⁹ Кроме того, в корпус лирики Тассо, придворного поэта герцога Альфонсо П д'Эсте, входит также большое количество любовных стихов, написанных на заказ.

бе жизнь поэта, но, наоборот, сама подчиняется жизни; она, по сути, – хаотичный дневник, пусть и оформленный в согласии с петраркистской образностью. И потому именно так – прозой, как дневниковые записи, – мне захотелось перевести представленные далее сонеты и мадригалы. Они – прихотливое переплетение мгновенных, конкретных эмоций: в одном сонете Тассо может мечтать, чтобы Amor отомстил отвергнувшей его возлюбленной, а в следующем сразу же клясться, что будет ее любить несмотря ни на что и в старости. Любовь поэта – не статична, это постоянно меняющееся чувство обычного человека, знающего не только восторг влюбленности и восхищение красотой любимой, но и жгучую ревность и настоящую обиду, испытывающего трепетную нежность, которая сменяется требовательным желанием, а также сознающего, что любовь необязательно должна быть вечной. Поэтому Тассо осмысляет и воспевает не столько чувство, сколько ощущения, поэтому оптика его стихов иная. В них – не центрирующая сила, согласующая все воспринимаемое поэтом с единой, неизменной великой любовью, а центробежная: внимание поэта – очень по-маньеристически – дробится, постоянно перемещается и, обращаясь к частному, иногда забывает о целом.

Любовные стихотворения

«Vere fur queste gioie e questi ardori...»

Этот первый сонет – нечто вроде предисловия ко всей книге¹⁰; в нем поэт говорит, что заслужил похвалу за то, что раскаялся в напрасных мечтаниях и своим примером побуждает влюбленных освободиться от власти Амора.

Истинными были эти радости и эти пылающие страсти, которые я оплакал и воспел разнообразными стихами, звучащими, подобно звону битвы, подобно славе героев и их любви, целомудренной и чистой.

И если мое сердце не оказалось среди самых упорных в напрасных чувствах, мне уже не должно сетовать на это, ибо более достойным мне кажется раскаяние, когда почитается честность.

Теперь же, мой пример имея пред собою, прозорливые влюбленные, читая о моих наслаждениях и о моем напрасном желании, освободятся от Амора и с душ своих снимут его уздечку. Хотя многим другим придется вытирать горячие слезы, и гнев недаром порою ведом сердцу; сладко на-

¹⁰ Тассо успел издать свою лирику отдельным изданием в 1590-х годах.

полнить грудь любовным желанием.

Стихи к Лукреции Бендидио

«Era de l'età mia nel lieto aprile...»

Поэт описывает красоту своей донны и рассказывает о начале своей любви, случившейся на заре его юности.

Это случилось в счастливом апреле моей жизни, и, исполненная желаний, юная душа моя уже искала красоты, что влечет возвышенный дух от наслаждения к наслаждению, когда явилась мне донна, голосом подобная лучезарному ангелу; она не показала мне крылья, но казалась избранной для того, чтобы даровать их моей изящной поэзии.

О, новое чудо! Она стихи мои, а я имя ее окружил благородным оперением, и беспрестанно взлетали они друг за другом. Это была она, та, чье сладостное сияние помогло мне плакать и петь в одиночестве и первые страсти мои растворяло в сладком забвении.

«Su l'ampia fronte il cresco oro lucente...»

Поэт описывает красоту своей донны и рассказывает, что сначала нежность ее слов стала причиной его любви.

Над широким лбом струилось курчавое золото, и луч, исходящий из прекрасных очей, призывал цветущий Май на землю и в сердцах порождал Июль сверх меры жгучий. Амор грациозно игрался на белой груди, но ранить ее не решился; и дуновение речи – любезной и благоразумной – часто слышалось среди роз.

Я, увидевший на земле небесное создание, закрыл глаза и сказал: «Ах, как безрассуден взгляд, что остановится на ней и запыляет!». Но я не предвидел другую опасность: и через слух было ранено мое сердце, и словам удалось то, чего лик не успел добиться.

«Avean gli atti soavi e 'l vago aspetto...»

Поэт рассказывает, как любовь, зажженная в нем присутствием его донны, выросла от его песни.

Нежные движения и прелестная наружность уже сломали лед, в который надменность одела мое сердце. И остатки былой страсти я почувствовал внутри груди моей, совсем изменившейся.

Я испытывал удовольствие от того, что питал несчастье сладостной приманкой нежного заблуждения: так лишил меня сил сладкоречивый Амор, нашедший кров в очах прекрасных.

Когда же новая песня поразила мое сердце, и я вдохнул ее огонь, сильнее разгорелось пламя, прежде спокойное и тихое – никогда я не видел, чтобы даже от ветра так разрастались и сверкали зажженные факелы, как в груди моей разросся этот пожар и засверкали эти искры.

«Colei che sovra ogni altra amo ed onoro...»

Поэт говорит, что увидел свою донну на берегу Бренты, и поэтически рассказывает о чудесах, сотворенных ее красотой.

Ту, которую я больше всех люблю и почитаю, увидел я собирающей цветы на этом берегу, но не могла ее рука собрать их столько, сколько их появлялось, когда касались земли ее прекрасные стопы. Струились прекрасные золотые кудри, в которых Амор расставил бесчисленные сети; и только дуновение ее речи даровало отдых от того огня, что исходил из ее очей.

Река остановила течение, чтобы стать зеркалом для золотых волос и для нежных взоров, и, кажется, сказала: «Во имя твоего прелестного образа, если ты не снизошла для одного лишь речного короля, я успокаиваю эти мирные волны».

«Io mi credea sotto un leggiadro velo...»

Поэт продолжает рассказывать, с помощью другой метафоры, о том, как, думая найти свою донну беззащитной, он сам оказался побежден и повержен.

Я думал, что под изящным покрывалом найду беззащитную юную девушку, с заплетенной косой, одетую в обычное платье, отзывчивую к моим мольбам, и она была такой, а я казался льдом, тающим на солнце. Но, увидев страсть, едва мной утаиваемую, и могучее желание, мной завладевшее, она сделалась твердой, подобно высокой колонне, или рифу, или скале под бушующем небом.

И я увидел, как она, с прекрасными локонами цвета светлой яшмы, явила лик и оружие Медузы¹¹, и я окаменел и лишился речи. Но я не хотел сдаваться, хотя снаружи был я камнем, а внутри меня бушевало пламя, и хотел сказать: «Сначала сними заклятье, о, донна, а затем уже лиши меня жизни».

¹¹ Медуза Горгона своим взглядом обращала все живое в камень. Тассо ссылается на позднюю версию мифа, рассказанную Овидием в «Метаморфозах» (VI, 794—801), согласно которому Медуза была прекрасной девушкой. Ее волосы Афина превратила в змей после того, как Посейдон овладел ею в храме богини.

«Giovene incauto e non avvezzo ancora...»

Поэт рассказывает о том, как из-за неопытности он был сражен в юности очарованием нежнейшей, благородной девушки.

Юный и легкомысленный, я еще не имел привычки быть осмотрительным, начиная ощущать подобную нежность, и не боялся ударов той необыкновенной стрелы, которую Амор сделал и позолотил своею рукою.

Напротив, я думал, что девушка в столь короткое время не зажжет во мне такое высокое и бессмертное пламя, и что это я поймаю, словно только оперившуюся птичку, нежную девицу.

Но из прелестных сетей, среди выросшей травы и распустившихся цветов мною расставленных, когда я дал волю печальным мольбам, она, легкая и проворная, упорхнула.

И в нежной западне я остался один, и взоры ее были, как стрелы, и лучи любви лишь во мне запылали.

«Donna, sopra tutte altre a voi conviensi...»

Поэт шутит об имени своей донны.

Донна, более любого другого вам подходит – ведь слышатся в нем «свет» и «сети» – ваше имя¹²; ибо я слепну от сияния вашего лица, и после, ослепнув всеми чувствами, попадаю в сладостную западню; я связан светлыми волосами, я побежден рукою, которой одной, безоружной и обнаженной, достаточно для победы, рукою столь же прекрасной и целомудренной, сколь жестокой и беспощадной.

¹² Тассо обыгрывает звучание имени своей возлюбленной Лукреции (Lucrezia), которое можно разделить на два слова – «luce» («свет») и «reti» («сети»).

«Se d'Amor queste son reti e legami...»

Поэт рассказывает о том, сколько сладости заключено в любовных муках.

Коль это сети и оковы Амора, – о, как сладостно любовное заточение! Коли такова пища в той западне, в которой я оказался, как сладок крючок, как сладостна наживка!

Сколько сладости придает приманка намазанным клеем ветвям, а пламенной страсти – холод!

Как сладостно страдание, когда я весь в сомненьях и безмолвии, и как сладостен плач о том, что не любим я ею!

Как нежны душевные муки и слезы, льющиеся из виноватых очей, и вечное стенание о смертельном ударе! Коль это жизнь, я тысячи и тысячи ран нанесу моему сердцу, и столько же радостей обрету я; коль это смерть, то дни свои я смерти посвящаю.

«Mira, Fulvio, quel sol di novo apparso...»

Синьору Фульвио Виани

Взгляни, Фульвио, на это солнце, вновь показавшееся – как оно являет всюду свою божественность! Взгляни, сколько света и сколько страсти оно придает воздуху и сколько света и страсти уже разлило оно по земле!

Этой богине ты поклоняйся, ибо скудны и недостаточны перед ее великими заслугами смертные почести: я принесу ей в жертву на алтаре Амора мое пылающее сердце, ей посвященное.

Или же в собственном разуме я храм ей воздвигну, в котором мысль моя изобразит ее облик и имя Лукреции вырежет и запечатлеет навеки, и под надежнейшей охраной этого достойнейшего приюта поселится моя вера, искренняя и чистая, ибо перед другими желаниями я закрою его ворота.

«Mentre adorna costei di fiori e d'erba...»

Поэт показывает, что его донна, хотя и была одета в легкое платье для молодых девушек, не должна считаться одной из нимф, но, скорее, достойна небесных почестей.

Когда она, одетая в платье с узорами в виде цветов и трав, украшает собой берега и поля, каждый тихий источник, кажется, шепчет: «При виде этого лика, хрусталь моих вод смягчается, нежнеет и замирает. И если гордая нимфа не пренебрегает сокровенными местами, где восходит и заходит солнце, то каждая зеленая роща, каждая высокая гора, кажется, захочет призвать ее к себе весною...».

Но голос, раздавшийся как будто из густых ветвей, промолвил: «Донна со столь благородным и милым высокомерием, не была рождена среди лесов, холмов и вод. Но, чтобы мир узнал ее и полюбил, она сошла с небес на землю, и там, где она родилась, за свою красоту она достойна небесных почестей».

«Occhi miei lassi, mentre ch'io vi giro...»

Поэт призывает глаза вновь посмотреть на его донну.

Несчастливые глаза мои, пока ваш взор я устремляю к лицу, чье милосердие, кажется, призывает нас, я молю вас – будьте смелыми, питая и ваше, и мое желание. Какая польза быть осторожными и затем погибнуть от любовного голода, до конца не насытившись, и позволив фортуне сбежать, такой мимолетной? Это чистая и сладостная ясность в одно мгновение может покрыться тучами, и вы увидите войну там, где тихий мир воцарился ныне. Глаза, смотрите, пока улыбается и вверяется вам сияние прекрасных милых светочей, вверяется с тысячью пылающими страстями, с тысячью нежностями, не предвещающая никакого страдания.

«Dov'è del mio servaggio il premio, Amore?..»

В этом диалоге между поэтом и Амором объясняется, что в прекрасных глазах его донны заключена награда за его служение.

– Где же, Амор, за рабство моя награда?

– В этих прекрасных глазах, наконец-то трепещущих нежно.

– А кто же вознесет боязливое сердце?

– Я сам, но на крыльях преданных мыслей.

– А если оно загорится в этой ясной, пылающей страсти?

– Его успокоят слезы и сладостные стенания.

– Ах, оно летит и пылает, не уверенное в себе!

– Пусть страдает оно, ибо в страданье – богатство.

«Se mi doglio talor ch'in van io tento...»

Поэт с удивлением описывает чудеса, которые совершает его донна с помощью красоты, благодаря которой все страдания превращаются в наслаждения, как и остальные страсти – в их противоположности.

Когда порой я страдаю из-за того, что напрасно стараюсь вознести к звездам прекрасное желание, я думаю: «Мадонне нравятся мои страдания, поэтому я счастлив каждой своей печалью». И когда я страшусь преждевременной смерти, я говорю себе: «Такой конец, коли того она хочет, не столь безотраден».

И потому я стремлюсь к тому же, чего желает она, и призываю мою судьбу, задержавшуюся и слишком медлительную. Но боль не возрастает, и происходит прямо противоположное – усугубляя любовную рану, она исцеляет душу сладостной мукой.

Чудеснее волшебства это чудо – боль и страх превращать в надежду и радость, и даровать здоровье, когда боль сильнее всего.

«**Bella è la donna mia se del bel crine...**»

Поэт восхваляет красоту своей донны и особенно красоту ее уст.

Прекрасна моя донна, когда я люблюсь, как на ветру развеивается прекрасное золото ее волос; прекрасна, когда она водит вокруг прелестным взглядом или делает так, что распускаются розы среди снега и измороси; и прекрасна, когда отдышает, и когда склоняется над чем-нибудь, и когда гордость ожесточает ее против моих желаний; и прекрасно ее негодование, и те страдания, что делают меня достойным славной гибели; но красота ее нежных уст, этих прелестных рубиновых врат, которые она так нежно приоткрывает и закрывает, красота божественная, превосходит любую другую: о, милые врата тюрьмы души моей, из которых часто выходят посланцы Амора, неся мне и нежный мир, и нежную войну!

«Tra 'l bianco viso e 'l molle e casto petto...»

Поэт восхваляет шею своей донны.

Между белым ликом и мягкой и целомудренной грудью я вижу дышащий снег, теплый и белый, прелестный и нежный, на котором покоится мой взгляд, удерживаемый наслаждением; и даже если он перемещается на другое место, туда, где он долго вдыхает и пьет любовь, где, наконец, ему обещана милая награда, и где рождаются ее прелести и мое наслаждение, он жадно возвращается обратно, чтобы вновь любоваться, как ее родная белизна украшена странствующей белизною.

«Пусть пришлют тебе – тогда говорю я, – арабы и индусы драгоценные раковины, и пусть те отдадут жемчужины для твоего нового украшения, и пусть не стыдятся они своего нежного поражения».

«Quella candida via sparsa di stele...»

Поэт восхваляет грудь своей донны.

Тот белоснежный путь, усыпанный звездами, в небесах ведущий богов к величественному чертогу, менее светел, чем этот, сияющий мне, что направляет только те души, которые служат его славе. И я узрел, как по нему к другому чертогу, иными, еще более прекрасными тропами, отправилось мое желание: Амор – его вожатый, и он хочет, чтобы я лишь про себя рассуждал о том пути, что наконец-то засиял мне.

Великие вещи о нем говорит мне сердце, и если где-то я что-нибудь вдруг слышу о нем, дыхание мое сбивается. Но не безмолвны тогда мои тоскующие взоры, и, кажется, говорят: «Ах, случайно или же пусть это будет дар: то, что от тебя не скрыто, не закрыто – яви нам, и пусть объемлет пламя нас!»

«Donna, crudel fortuna a me ben vieta...»

Поэт беседует со своей донной, которая уезжает, и говорит, что если фортуна не позволит ему последовать за ней, то она не сможет запретить то же самое его мысли, которая последует за ней и взоры которой всегда будут обращены на нее.

Донна, жестокая фортуна запретила мне следовать за вами и удерживает меня на этих берегах, но не мою быструю мысль, которая отдыхает только тогда, когда взор ее успокаивается, к вам обращенный. Она сопровождает вас, то задумчивую, то веселую, то рассекающую волны, то оставляющую следы на песке, едущую в карете по холмам и по побережью к своей цели. Она любит вас в доме ваших родителей, среди нежных приветствий в прекрасной обстановке, среди взаимных поцелуев и смеха. Затем, как посланник, приносящий вести, мой блуждающий дух возвращается в сердце, чтобы оно, вздыхая, тосковало от нежной зависти.

«Io non posso gioire...»

Разлученный со своей донной, поэт говорит о том, что он не может испытывать никакую радость вдали от нее, кроме радости, заключенной в мучениях, вызванных ею.

Разлученный с вами – с моим желанием, я не могу радоваться; но моя блуждающая мысль пересекает и поля, и горы, и моря, и реки, и приближает меня к вам и губит в сладостном огне ваших прекрасных светочей; и так приятно мне это томление, что бесконечное наслаждение я обретаю в моем мучении.

«Già non son io contento...»

Поэт говорит о том же.

Разлученный с вами – с моею мукой, уже не счастлив я; как нежно мысль моя меня сжигает; но когда она приближает меня к вам, я снова вижу вас и вам внимаю, и так я тем ближе к вам, чем дальше я от вас, и я люблю, и пылаю; и чем сильнее пламя, горящее во мне, тем больше им я наслаждаюсь.

«Come vivrò ne le mie pene, Amore...»

Поэт обращается к Амору, говоря о том же.

Как пережить мне мои страдания, Амор, если я так далек от моего сердца, если нежная память не помогает мне напоминанием о ней – о моей жизни? Нежная, тускнеющая память, воображаемый взгляд и моя драгоценность, это вы – моя отрада, моя жизнь и мое благо. Но, потеряв мое сердце, я оказался на грани между жизнью и смертью.

«Se 'l mio core è con voi, come desia...»

Поэт обращается к своей донне по тому же поводу.

Если сердце мое – с вами, как того оно хочет, где же душа моя? Я думаю, что она – вместе с моею мыслью, а блуждающая мысль – с прекрасным образом; а прекрасный образ вашей красоты – живой, и истинной, и настоящей – в моем разуме; и лишь вами он живет и дышит: но жизнь моя без сердца моего разбита и грустна.

**«Pensier, che mentre
di formarmi tenti...»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.